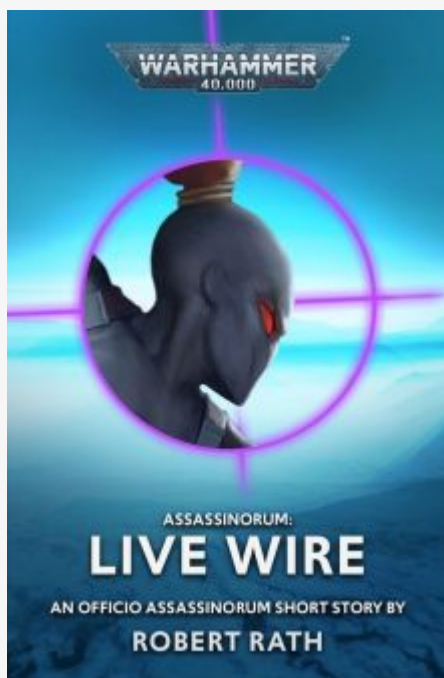

Ассасинорум: Проводник / Assassinorum: Live Wire (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

*Ассасинорум: Проводник /
Assassinorum: Live Wire (рассказ)*

Автор	Роберт Раф / Robert Rath
Переводчик	Translationmaker
Редактор	SadLittleBat
Издательство	Black Library
Год издания	2020
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Девять дней Джезетт Вааль жила в темноте, не чувствуя ничего, кроме запаха невымытых тел и жара гудящих реакторов под ногами. На четвертый день несколько человек решились на саботаж в тюремном корпусе. В конце концов, эти мужчины и женщины были технотрэллами и персоналом, работающими с данными. Слугами благословенного Бога-Машины. Они провели десятилетия, а некоторые — и всю свою жизнь на космических кораблях и знали, как получить доступ к каналам технического обслуживания

даже в самых защищенных трюмах корабля.

Она была магистром двигателей на «Теореме Кастиллуса» — относительно привилегированная должность на средних палубах, — и ее в заговор не втягивали.

Даже сейчас, когда технопираты захватили команду и заперли в трюме, словно скот, между людьми сохранялась жесткая корабельная иерархия. Все матросы делились на две категории: те, кто держит девятихвостый хлыст, и те, кто ощущает его на себе. А рядовым пустотникам и младшему командному составу — таким, как Вааль — доверия не было.

В планах у саботажников было добраться до реактора и перезагрузить его. Они пробрались в воздуховод — футов на десять, не более. Но из-за балок в сводах корабельного трюма за горе-диверсантами следили телескопические глаза. Секунда — и наблюдатели обрушились на них с хлопаньем полуорганических крыльев, ломая позвоночники и дробя конечности своими железными лапами. Флешеттные карабины обагрили пол кровью шестерых пленников — и нападавшие исчезли. Вернулись за балки. Продолжили наблюдение.

После этого побегов больше не случалось.

Прошло пять дней; пленные беспокойно расхаживали по трюму. Толчок от приземления пробрал их до костей, а затем давление упало из-за дегазации. Вааль поспешила к задней аппарели, её чуть не задавили; пришлось отбиваться, чтобы устоять на ногах в толчее.

— Откройте! — крикнула она, воздух выбило из лёгких — Ради Омниссии, откройте!

Аппарель опустилась; всех ослепило солнечным светом, а шёпот нетерпения сменился вскриками. Когда глазная аугментика Вааль адаптировалась к яркости, она разглядела в задних рядах толпы голубые искры, разлетающиеся от электрошокеров. На измученных лицах пленников отражался неоновый свет разрядов; маломощные удары были рассчитаны, чтобы согнать людей в стадо, а не убить. Сообразив, что вот-вот начнётся давка, Вааль протиснулась сквозь брешь в толпе, к боковой стене трюма.

— Помедленнее! — крикнула она. — Идите медленнее, а то...

Крики. Поток тел — будто прорвало плотину. Полдюжины технотрэллов затоптало несущейся массой тел. Людей загнали в траншею, ведущую к большому куполу. Яркие отблески от снежного покрова слепили глаза и мгновенно обжигали бледную кожу. Лёгкие, привыкшие за жизнь к разреженной корабельной атмосфере, заныли от прикосновения ледяного, богатого кислородом воздуха. Вниз обрушились снежные шквалы, белой пеленой оседая на одежде и открытой коже, — и из глоток вырвались вопли ужаса, усиленные воксом.

Об осадках Вааль слыхала, но не могла припомнить, как они называются. Справа возвышался огромный шельфовый ледник с отполированной ветром поверхностью, такой же ярко-синей, как электрошокеры тюремщиков.

А впереди ждала ледовая станция.

Вааль не знала, чего ради их сюда привели и почему пираты-еретехи пощадили их, перебив остальную часть команды «Теоремы Кастиллуса». Они согнали людей с разных палуб, из разных служб, разного ранга или происхождения — казалось, между теми не было ничего общего. Но теперь, когда все смотрели в одну сторону, стало ясно: кое-что общее есть. В этой голодающей толпе у каждого в основании черепа имелся соединительный порт — проводной разъем для передачи данных.

Ворота стоящей впереди станции распахнулись, словно огромные челюсти.

— *Вы вот-вот вступите в великое пробуждение,* — сказала существо на видеоэкране.

Эти экраны были повсюду. Их смонтировали на оборудовании и изогнутых внутренних стенках купола. Виднелось только пол-лица — нос, нижняя челюсть, желтоватая кожа и почерневшие зубы. Из обеих ноздрей торчали питательные шланги. Изображения расплывались и перекатывались, будто не синхронизированные с движениями губ.

— Повреждение от влаги, — прошептала Вааль: инженерный ум диагностировал проблему, даже когда её вместе с вереницей остальных пленников гнали по лабиринту из железных клеток. — Внутренняя часть станции обогревается, из-за чего образуется конденсат.

Рассуждения помогали притупить ужас.

— *Вы станете одними из нас. Вы будете принадлежать этому месту. Отбросьте ложь вашего Омниссии, ибо это всего наваждение, навеянное суевериями и цифровыми молитвами. Мы разблокируем и переформатируем вас, чтобы вы служили Восьмеричной Силе. Во славу Обновителя, Повелителя Трансмутации, Квавариан пришел, чтобы даровать вам освобождение. Склонитесь и примите Суть_Чорва.*

От этого имени у нее засосало под ложечкой. В зрительной аугментике случился какой-то незначительный сбой, из-за чего та перезагрузилась, ослепив Вааль на две целых семь десятых секунды. Маков Квавариан. Предатель.

Они пропали.

За порядком внутри лабиринта-клетки наблюдали скитарии; вышагивая по извилистым проходам, они подгоняли пленников дубинками, чтобы все новые и новые людские потоки с надлежащей эффективностью продвигались вперед. Их сиреневые глаза бесстрастно взирали на толпу рыдающих рабов.

«*Сколько же людей они похитили?* — удивилась Вааль. Применив алгоритмическую экстраполяцию, она отгородилась от страданий, царящих вокруг. — *Сотен девять?»* Завернув за угол, она наконец увидела, что их ожидает.

Два скитария-людолова с аугметическими конечностями специально для захвата и обездвиживания выхватили из головы строя дрожащего рабочего — рядового работника с данными. Он орал, но не сопротивлялся: годы идеологической обработки на борту корабля Механикус приучили его к повиновению. Скитарии обхватили его плечи и туловище, одна из конечностей сомкнулась на затылке, чтобы облегчить доступ к порту в черепе. Крупный мужчина в мантии, поджав губы, достал из купели инфо-шип, отряхнув с него лишнюю влагу. Он шагнул к трэллу; от задней части инфо-шипа змеились толстые провода.

— *Прими Суть_Чорва,* — сказал он дрожащему человеку. — *И обновись с помощью Восьмеричной Силы.*

Недрогнувшей рукой он направил острие в порт на черепе.

— *Милостью программатора Квавариана, я, Славигор Альфа-208, настоящим переформатирую тебя, дабы ты служил Повелителю Трансмутации.*

Шип вошел в отверстие, и человек перестал дрожать. Его аугметические глаза, подсвеченные синим,

мигнули, будто стробоскопы, а затем окрасились в лиловый. Людоловы отпустили его, щелкнув клешнями.

— Ступай, — сказал Славигор, отсоединяя инфо-шип, — Обновленный Восьмеричной Силой.

Трэлл медленно, с трудом пополз, затем тяжело поднялся на ноги и, шатаясь, побрел к толпе трансмутантов, забредших на станцию; они еле держались на ногах, словно новорожденные телята грокса — их переформатированные умы еще пребывали в потрясении от ужасного освобождения *Суты_Чорва*.

— Следующий, — сказал Славигор, поднимая тяжелый позолоченный штырь размером с наконечник копья, за которым тянулись провода. Он встретился взглядом с Вааль. — Эта. Тащите её.

Людоловы схватили Вааль за плечи и туловище, один из скитариев зажал её затылок и повалил на решетчатый пол. Она отбивалась.

— Не сопротивляйся, — сказал Славигор, макая шип в купель. Запахло ликвором и антисептиком. — Их хватка сломит твои кости.

— Да проклянет тебя Омниссия, — прорычала Вааль. — Тебя и всех еретехов! Пусть ваши архив данных будут начисто стерты. Ваша аугметика засбоит. Ваш...

— Ш-ш-ш-ш-ш... — Славигор подошел к ней, приложив палец к губам. Вааль вырывалась, хрипя сквозь стиснутые зубы. — Что-то ты норовиста для слуги, а? Что ты за птица?

Пальцы еретеха коснулись татуировки с штрих-кодом, и Вааль ощутила на коже покалывание от считывателя данных.

— Магистр двигателей третьего ранга Джеммет Вааль. Поня-ятненько. Ты же не технарх, а, Вааль?

— Слуги Омниссии придут за нами, — сказала она в пол. — И предадут тебя вечным мучениям.

Славигор опустил на колени и взглянул ей в лицо:

— Никто не придет, магистр двигателей Вааль. Через это проходили десятки тысяч таких, как ты, и ни один скитарий, ни один гвардеец или ангел Адептус Астартес не пришел драться за них. И как только я вставлю этот инфо-шип, — Славигор помахал им у неё перед носом, — ты тоже бросишь сопротивляться.

— *Идентифицировать и объявить статус.*

Голос был резким и шел откуда-то слева; Славигор немедленно выпрямился.

Хватка левого людолова слегка ослабла, так что Вааль удалось повернуть голову. Голос исходил из вокс-передатчика одного из скитариев-людоловов, но это был чужой голос — тот, который звучал на видеоэкранах. Маков Квавариан.

— Это Славигор Альфа-208, владыка-программатор. Переформатировщик шестого потока и радостный слуга Восьмеричной Силы. В соответствии с квотой был переформатирован двести сорок один человек.

— *Набор с твоего потока прекратился. Эффективность на девятнадцать процентов ниже оптимальной по сравнению с последними пятьюдесятью переформатированиями. Я жду объяснений.*

Теперь глаза скитария были другими. Более сосредоточенными. Фиолетовый свет его линз стал

пронзительно ярким.

— Владыка-программатор, я отбираю лучших, — дрогнувшим голосом ответил Славигор. — Магистр двигателей. Сейчас я проверяю её пригодность к выполнению особых обязанностей.

— *Сделай это в смотровой камере, Альфа-208. Не останавливай процесс набора. И поторопись, иначе я отправлю тебя на органическую переработку.*

— Слушаю, повелитель, — ответил Славигор с поклоном. — С Восьмеричной Силой.

— *Не отвлекай меня больше,* — сказал подконтрольный людолов, и его линзы потускнели.

— Поднять её, — приказал Славигор, передавая инфо-шип помощнику. — Живо!

Пустую комнату освещали лишь тусклые хирургические лампы над головой. Людоловы привязали Вааль к креслу, защелкнув фиксаторы на её запястьях и лодыжках. Славигор отправил скитариев — навестывать задержку в обработке потока.

— Звуконепроницаемо, — сказал Славигор, закрыв и заперев дверь. — Тебе повезло, Джемэт Вааль. Ты это осознаешь?

Вааль фыркнула:

— Потому что мне сохранят часть разума, как тебе? Потому что я буду извращена, а не сломлена? Только подойди — я тебе глотку перегрызу.

— А ты сообразительная, да? И отважная. Как раз то, что мне нужно.

Славигор улыбнулся. Улыбка никак не ладилась к чертам его лица.

Подтащил к Вааль стул — поближе к подносу на колесиках, уставленному ржавыми хирургическими инструментами, Славигор уселся на стул верхом, положив руки на спинку, и уставился ей прямо в аугметические глаза.

— Итак, позволь спросить: хочешь сослужить Омниссии последнюю службу?

Губы Вааль приоткрылись, слова застряли у в горле.

— Отвечай живо. У нас не так много времени.

Дыхание Вааль стало прерывистым, сдерживаемая паника прорвалась наружу одним-единственным шипящим «Да».

— Стрелять из пистолета умеешь?

— Что?

— Это, — сказал Славигор, вытаскивая из-под мантии длинное тонкое оружие, — игольчатый пистолет образца «Катер». Бесшумный. Дротики обладают замедленным срабатыванием. Барабанный магазин на сто снарядов, но на спусковой крючок нужно нажимать, а не вдавливать, иначе израсходуешь весь магазин. Ты меня слушаешь?

— Да.

— Хорошо.

Славигор направил пистолет на дверь, будто ожидая, что в нее кто-то войдет.

— Выбери цель. Прицелься. Один-два выстрела в голову или грудь. Стреляй в лиловоглазых подонков с близкого расстояния, тогда не промахнёшься. Затем смешайся с толпой пленников и стреляй снова.

— Кто...

— Ты посеешь панику. Обратишь всех в бегство. Так и должно быть. Это то, что мне от тебя нужно. Убивай, исчезай, убивай снова. Чем дольше ты будешь оставаться в живых и поддерживать беспорядки, тем лучше. Не дай себя схватить.

Славигор вложил пистолет в руку Вааль и сжал её кулак своими скрюченными пальцами, чтобы убедиться, что она его удержит.

— Ты... ты пришел спасти нас? — спросила Вааль.

— Я не спасаю людей. Это не моя роль. Но если ты сыграешь свою, то сможешь мне сжечь это место дотла. Понимаешь?

Вааль перевела дыхание, заставила бешено колотящееся сердце успокоиться и кивнула.

Ремни фиксаторы кресла с лязгом раскрылись.

— Да благословит тебя Омниссия, Джезетт Вааль, — сказал Славигор, отодвигая засов и открывая дверь камеры. — А теперь обрушь на них свою ярость.

Джезетт Вааль, магистр двигателей третьего ранга и служительница Бога-машины, отправилась в бой.

Сикоракса из храма Каллидус, прихрамывая, побежала прочь от звука выпущенных игл. При этом она прижала руку к боку, и кровь, пропитавшая одежду Славигора, легко потекла из поверхностной раны, которую она же и нанесла.

— Пистолет! — крикнула она блеющим голосом Славигора, расталкивая плечом толпу недавно трансмутированных. Позади раздавались звуки автоматической стрельбы и крики, эхом разносящиеся под сводами станции. — У нее пистолет!

Скитарии побежали в другую сторону. Сикоракса посторонилась, чтобы пропустить их, а затем направилась вглубь станции.

Это был подходящий способ, чтобы ускользнуть тайком. День набора. В такой день всегда творилась суматоха — а сегодня гораздо сильнее, чем обычно. Этого-то ей и надо было. На ледовой станции «Зета» был жесткий распорядок. Каждая душа выполняла свою задачу, большинство рабов, стоящих ниже уровня руководства, следовало заданной программе, входя во взаимосвязанную сеть разумов. Даже отступление от рядового шаблона было для Квавариана тревожным знаком, требующим личного внимания, возможности проникнуть в «черный ход», оставленный в извращенных сознаниях вновь перепрограммированных, и получить над ними полный контроль.

Но сейчас воцарилась полнейшая сумятица. Бунт умов. А сбежать от опасности — это как раз то, что сделал бы трусливый Славигор. Всё правдоподобно.

На самом деле Сикораксе повезло, что после замедления набора Квавариан не стал перемещаться в её

аугментированный мозг. Если бы он это сделал, возможно, заметил бы, насколько ограничен машинный разум, установленный в изолированном имплантате ассасина. Это была трудная инфильтрация. Сикораксе не нравилось быть Славигором. Заражать разумы одного трэлла за другим. Проявлять жестокость, которая требовалась от Славигора.

По правде, единственной компенсацией за садизм под его личиной было то, что настоящий Славигор погиб от её удара отравленным клинком в сонную артерию, и его тело растворилось в белковых ямах.

Месть за все эти дни приёма.

Сикораксе вспомнился день, когда её саму приняли на ледовую станцию «Зета». Ужасный вой заключенных, походивший на плач безутешных младенцев — страх отбросил людей к самым базовым инстинктам. Болезненное внедрение. Замотанная в промерзшие лохмотья, она лежала в траншее под снегом с самого утра, притворяясь одним из окоченевших тел, которыми был усыпан путь от посадочной площадки до ворот. Сикоракса держалась благодаря химическим согревающим пакетам внутри её комбинезона и изолирующему слою снега. Когда толпа, спотыкаясь и ничего не замечая, зашла в траншею, она встала и смешалась с ней.

Но даже на то, чтобы продвинуться так далеко, ушел почти год. Вначале Сикоракса проследила за Кваварианом до его лаборатории на павшей цитадели Атараксеса, обнаружив при этом, что там пусто; на то, что еретех в ней бывал, указывал лишь склеп, набитый сгоревшими банками когитаторов, и печь, полная костей.

Этого было достаточно, чтобы напасть на след. Ибо среди костей умерщвленных подопытных Квавариана Сикоракса обнаружила черепные порты всех моделей и исполнений, и на каждом был штамп Механикус. Программатор определенно нес ответственность за необычный рост пиратства среди миров Мелока, но этот архипелаг состоял из двадцати планет, и именно засекреченные банки данных помогли ей определить, где находится цель.

— Холод, — прошептала она: до нее наконец дошло. — Ему нужен холод.

Когитаторы перегревались. Квавариан, один из величайших еретических умов в секторе, владыка-программатор, умевший соединять мусорный код с демонической сущностью варпа, был настолько поглощен своими цепочками данных, что не заметил: его данные о климате устарели на две тысячи лет. Зима на Атараксесе больше не тянулась шесть месяцев, как раньше — а он и не догадывался, пока не наступили три жарких летних месяца, и удушающая влажность склепа не перегрузила огромные процессорные блоки, необходимые для запуска и совершенствования его машинных вирусов.

И на архипелаге не было места холоднее, чем на северном полюсе Санга Каппа, скованном ледниками.

На бумаге станция «Зета» была заброшена два тысячелетия назад: Механикус потеряли эту изначальную исследовательскую экспедицию из-за своего обскурантизма и давления времени. Но пролетавший мимо орбитальный зонд обнаружил, что от кольцеобразного объекта исходят слабые тепловые выбросы; посреди объекта находилась группа машин, светящихся, будто угольки, под конверсионным полем.

Банки данных. Открытые для холода и снега, но без всякого мусора.

Проникнуть непосредственно во внутреннее святилище по гравитационному желобу не представлялось возможным. Поэтому Сикоракса дала знать своему связному и вернулась в храм Каллидус к его особым хирургам. Легла под нож и пилы, чтобы установить порт в основании черепа — рискованная процедура,

которой в Храме обычно избегали, чтобы не потерять такого высококвалифицированного оперативника. Ускоренное выздоровление удалось только благодаря длительному приему полиморфина.

Этот порт представлял собой не просто обычный имплант-проводник, а миниатюрный машинный разум, полностью изолированный от ее сознания кодовым заслоном. Фальшивое сознание, отделенное от истинного. Мыслящий мозг, который Сикоракса наблюдала, но не ощущала. Это было крайне важно. Чтобы проникнуть на станцию «Зета», необходимо было заразиться Сутью_Чорва и обладать разумом, который мог бы просматривать Квавариан. Часть Сикораксы, которую нужно будет извлечь и уничтожить после завершения миссии.

— Я не хочу, чтобы во мне было то, что Квавариан вводит в этих бедолаг, — сказала она связному по защищенной вокс-связи. — И я также не хочу, чтобы, копаясь в моих мыслях, он обнаружил, что у меня есть код-уничтожитель.

На мгновение Сикоракса ощутила леденящий страх, когда культисты вонзили в нее инфо-шип, и по машинной коре её мозга пронесся Суть_Чорва, нашептывая ересь, нацарапанную на считывателе мыслей в ее видении. Паника отступила только тогда, когда она убедилась, что заслон функционирует, сохраняя чистоту истинного разума.

Еретехи не заподозрили ничего неладного. Любой технотрэлл начинал паниковать, когда инфо-шип скреб ему череп, проникая в самые глубины сознания. Реакция отдельных испытуемых не слишком интересовала культистов — это исследование касалось количества, а не качества.

Именно Славигор ввёл Сикораксе инфо-шип.

«Скажи мне спасибо, — сказал он. — За то, что придал твоей смерти смысл».

Даже имея кодовый заслон от информационного заражения, Сикоракса испытывала дезориентацию: считываемые ее фальшивым сознанием данные говорили, что ей следует явиться в оружейный мануфактурум, и ассасин, спотыкаясь, побрела за другими рабочими. целую неделю она провела на заводской линии за сборкой спусковых механизмов для радиевых карабинов. Подражая напряженной сосредоточенности и злобным песнопениям других работников с искалеченным разумом...

«Мы — Преобразованные. Разумы, освобожденные от оков ложных богов из металла и плоти. Улучшенные Восьмеричной Силой...»

Как-то раз ей выпал шанс улизнуть: в построенной трэллами камере для обжига радия прорвало защитную оболочку, потребовалась эвакуация. Сикоракса ускользнула, прихватив с собой коробку с запчастями, будто по работе: она искала культиста самого высокого ранга с наименьшим количеством аугметики. И столкнулась нос к носу со Славигором — тот шел на дневную смену. Коробка с грохотом выпала, по пустому коридору разнеслось гулкое эхо.

Он усмехнулся, глядя на согнувшуюся служительницу сверху вниз.

— Смотри под ноги, мелкая су...

Славигор умер, еще не успев рухнуть на пол. Теперь, поднимаясь по решетчатой лестнице на подиум рядом с огромным куполом ледовой станции, Сикоракса осознала грандиозность плана. Позади нее творился невообразимый переполох, во всех направлениях метались стрелы красных лучей. Скитарии палили наугад — может быть, даже друг в друга.

— Продолжай, Вааль, — взмолилась она.

Внизу и справа виделись ряды трэлов, подключённых к транспортным симуляторам; загипнотизированная команда слева строила камнебетонный бункер. Прямо под собой сквозь решетчатый пол Сикоракса слышала треск лазерного огня. Она посмотрела вниз: там был смертельный лабиринт, вроде тех, в которых проходили её тренировки в храме Каллидус. Две команды слуг с грудью и выступающими ребрами, выкрашенными в красный и синий цвета, неуклюже раскачивались в нем, как марионетки. Они едва могли поднять лазерные пистолеты и автоганы в веретенообразных руках, но вели стрельбу друг по другу.

— Бедняги, — пробормотала Сикоракса: один из слуг рухнул на пол, подстреленный врагом, стоявшим шагах в десяти от него. Лицо стрелявшей исказилось от ужаса и отрицания, даже когда она рывком шагнула вперед, встала над раненым мужчиной и разрядила батарею в его спину, прежде чем её изможденный торс разорвало в клочья очередью из автоматического оружия.

— Следующий этап, — сказала себе Сикоракса.

Суть_Чорва был эффективным мнемо-вирусом. Он мог завладеть дополненным машиной разумом и вывернуть его наизнанку, превратив жертву в голема из плоти и металла. При этом Суть_Чорва также имел и ограничения в виде обязательной загрузки непосредственно в аугментированный мозг.

Полезен при восстании, но не масштабируем. *Не заразен.*

Версия с подконтрольными жертвами-марионетками — это альфа-тест.

Широковещательный вирус, передаваемый через астропатическую связь, лучевую передачу или по волнам. Энергия варпа, направляемая массовым мысленным повторением ее песнопений, не слишком опасна для обычного солдата или гражданского, но чрезвычайно заразна, когда дело доходит до Механикуса или астропатических хоров, чьи умы обучены слышать и повторять литанию наизусть.

Уничтожить Квавариана — недостаточно. Сикоракса должна устранить Суть_Чорва вместе с любыми исследованиями вируса и разработками его преемника.

Вот тут-то и пригодится код-уничтожитель.

Сикоракса послала мысленный импульс, отключив имплантированное сознание, чтобы Квавариан не заметил, что кто-то из его рабов так далеко от своей станции.

Оперативница вскарабкалась по ветхой лестнице с тонкими ступеньками, перенося вес поближе к соединениям на каждой ступеньке и проверяя их прочность руками при подъеме. Здесь, наверху, в самых заброшенных секциях станции, куда не доходили еженедельные облака антикоррозийного тумана, состояние инфраструктуры было из рук вон плохим. Антифризовые дожди разъели прорезиненное покрытие, защищавшее металл, и конденсат на обогреваемой станции сделал свое дело. Верхние своды исчезали во влажном слое искусственных облаков, который закрывал обзор и искажал сигнал ищущего разума Квавариана — вот почему она устроила тайник с оружием здесь.

Сикоракса добралась до подиума и вскарабкалась наверх, перейдя на бег и перепрыгнув семифутовый промежуток между платформами. Она приземлилась тяжелее, чем ожидала, из-за габаритов Славигора, и длинный мостик закачался на свисающих цепях. Придя в себя, Сикоракса наклонилась к инъектору, вживленному в мышцу правого бедра. Надавила большим пальцем на утопленную капсулу, ища активатор. Сделав вдох, нажала на него.

Полиморфин и боль, два взаимосвязанных фактора, родились вместе, как сиамские близнецы. Внутри ее живота вздулись мягкие пузыри, разрушая тело Славигора. Кости конечностей искривились и стали короче. Лицо разгладилось, как горячий воск, приобретая знакомые черты.

— Ну же, давай, — прорычала Сикоракса. Перевоплощение всегда причиняло боль, но восстановление оригинальной формы было не так болезненно. Она чувствовала, как мышцы становятся туже и сильнее, избавляясь от лишнего веса. Сикоракса была в первоклассной форме, но цели, которых она копировала, редко соответствовали её физической подготовке. Это было сродни облегчению. Мысль, что вскоре она сможет пользоваться собственным телом и аугментированным, искусственно созданным «я» в полной мере, опьяняла.

Сикоракса легла на живот и сунула руку под настил, нащупав там пластековый пакет на «молнии», закрепленный на магните. Под своей предыдущей личиной Сикоракса прятала этот пакет размером с дыню в брюшной полости, маскируя его под раковую опухоль или разросшуюся кисту. Лишь переняв облик Славигора, она смогла насладиться достаточным уровнем свободы, чтобы перепрятать пакет здесь.

Через минуту Сикоракса уже переделалась в комбинезон из синтекожи без капюшона и закрепила на предплечье перчатку с фазовым мечом. Нейрошредер она прикрепила к пояснице, затем подключила пистолет и клинок к блоку питания, после чего вскинула ранец на плечи и туго затянула лямки.

Оперативница уже собиралась натянуть пропитанный потом халат, чтобы прикрыть оборудование, и вдруг послышался щелчок. Повторяющийся, ритмичный. Будто древоточец, сверлящий дерево, или механический хронометр, который кто-то заводит.

Доктрина храма Каллидус делала упор на скорость. Скорость и многозадачность. Сикоракса надевала халат, озираясь в поисках угроз: она разделила окружение на сектора и просмотрела каждый из них. Вначале за спиной, затем с флагов, перед собой, сверху.

Ничего. В пятидесяти футах над головой, в странных потоках купола, клубился туман. Из пелены, будто лианы в джунглях, списали петли проводов. Пучки кабелей слева и позади слегка покачивались, будто на них села — и сразу же взмыла в воздух огромная птица. Этажами ниже станцию подсвечивало странно успокаивающим оранжевым светом. Подопытные марионетки в лабиринте убийств, казалось, не превышали размера большого пальца.

Снова этот шум.

Сикоракса сжала кулак, выпустив из перчатки ксеноклинок и зафиксировав его. Черный металл играл тускло-зелеными отливами.

Оперативница посмотрела вверх.

Фигура упала на нее, будто камень. Тихий. Тяжелый. Она услышала шуршание синтекожи и свист воздуха, проходящего сквозь бездействующие лопасти двигателя и когти.

Но видела Сикоракса лишь созвездие из лиловых кругов.

Она перекатилась вбок, и монстр рухнул на то место, где только что находилась ассасин, оставив на металле вмятины от мощных когтей. Голова дернулась в сторону Сикораксы, склоненное лицо уставилось на нее пристальным взглядом через множество линз; существо забормотало, как насекомое, — и бормотание перешло в визг обратной вокс-связи.

Кожаные крылья. Почерневшие стальные конечности. Свисающие из респиратора щупальца прорезиненных трубок. Динамо-машина, пистолет и электрошоковая дубинка, искрящие при активации.

Птераксий.

Вой обратной связи превратился в голос.

— *Альфа-208*, — приглушенно сказал скитарий из-под прорезиненной дыхательной маски.

Несмотря на то, что звук был искажен, по телу Сикораксы пробежал холодок. Это был *его* голос, Квавариана.

— *А ты занятнее, чем я предполагал.*

Пистолет молниеносно взметнулся в воздух — действие, продиктованное разумом, чьи когнитивные функции удалены в пользу усиления рефлексов. Но приветствие Квавариана дало Сикораксе время спланировать ответные действия.

Фазовый меч рассек пистолет пополам, прямо перед спусковой скобой, — она поняла, что это флешетный бластер, уже после того, как разлетелась катушка с патронами, рассыпав тонкие, как проволока, монопити.

Скитарий ткнул перед собой электрошокером: длинный радиус действия искрящегося оружия идеально подходил для узких проходов. Но выпад был чересчур сильным. Сикоракса увернулась от удара и перекадилась в сторону, минуя защиту противника, схватила рукоять шокера свободной левой рукой и крепко прижала её к себе; локтевой сустав культы уперся ей в ребра. Затем она потянула за руку, как за рычаг; Сикоракса чувствовала, как разрываются сухожилия и выбиваются кости из суставов, когда локоть выгнулся в обратную сторону.

Лиловые линзы вспыхнули, и на мгновение она увидела нечетко отзеркаленные отчёты о повреждениях, проецируемые на линзы с другой стороны. Затем ассасин вонзила в фасеточные глаза ксеноклинок, и они потемнели.

Раздался тяжёлый металлический звук: *«Динь-динь»*.

Этот звук не сулил ничего хорошего. Никогда. У ног скитария валялся какой-то предмет. Дуговая граната. Сикоракса отшвырнула её в сторону и бросилась вниз по мосткам, боковым зрением отметив детонацию боеприпаса, который взорвался голубым облаком пороха, пронизанного молниями. Неожиданно приятный глазу штрих на фоне оранжевого пейзажа под ней.

Перед Сикораксой рухнул ещё один птераксий; мостки раскачивались на цепях, как корабли в шторм. Лязг стали позади выдал ещё одну крылатую мерзость, приземлившуюся прямо перед телом погибшего скитария.

Её зажали в клещи на узком проходе. Когти скребли по настилу; скитарии приближались.

— *Фазовый меч из неизвестного сплава*, — в унисон промычали птераксии. — *Какие изысканные игрушки ты мне доставил.*

Эта парочка пыталась удержать её. Помешать ей двигаться, поскольку прибыло подкрепление. Перед ней стоял выбор: вырваться или попасть в окружение. Единственным выходом было прорваться, иначе её просто задавят числом.

Сикоракса повернулась боком и расставила ноги, встречая обоих нападающих одновременно. Тот, что был впереди, держал автопистолет — вероятно, украденный во время одного из пиратских набегов. Скитарий поднял пистолет как раз в тот момент, когда его собрат сзади ткнул электрошоковой дубинкой.

Согнув позвоночник почти пополам, Сикоракса отклонилась назад и пропустила мимо себя автоматическую очередь. Пули отскочили от брони скитария с дубинкой, не нанеся никакого вреда, и птераксий воткнул искрящееся наверхие ассасину под ребра.

Сикоракса парировала, отведя удар в сторону, чтобы запутать оружие, — шокер заискрил на поддерживающих помост цепях. Затем она нанесла резкий удар ногой по стрелку с автопистолетом, из-за чего вторая очередь ушла в свод купола.

Удар отбросил скитария настолько, что Сикоракса успела выхватить нейрошредер и выстрелить в упор, пронзив его тело волной эмпирической энергии. Птераксий пошатнулся; его нервную систему разорвало в клочья — он превратился в стоящего на ногах мертвеца, — и Сикоракса, воспользовавшись замешательством, чтобы оторваться от скитария с электрошокером, бросилась к падающему птераксию, запрыгнула на его тело и, сделав сальто, приземлилась на настил, не останавливая бег.

За ней билось в конвульсиях чудовище — препятствие для второго скитария.

— *Не убивать!* — раздался за спиной голос программатора, тускло отразившись над головой. — *Вивисекция позволит узнать больше.*

Позади заскребли металлические когти: птераксий сложил крылья и последовал за ассасином на четырёх конечностях, будто плотоядная летучая мышь. Скитарий быстро набирал скорость. Даже на земле он двигался с нечеловеческой быстротой. До Сикораксы донесся веерный шум его ревущих ранцевых двигателей, готовых поднять владельца в воздух сразу, как только он схватит цель.

Спасения нет. Придётся выкручиваться.

Оглянувшись, чтобы оценить момент, Сикоракса перепрыгнула через бортик настила и схватилась за одну из натянутых опорных цепей, позволив звеньям выскользнуть из ее хватки, так что инерция направила ее по дуге; мир расплылся, она развернулась и врезалась ногами в лицо чудовища. Удар отбросил его голову назад и в сторону, позвонки хрустнули, из разорванной гортани вырвался голос Квавариана.

Вокруг кружило уже не меньше дюжины птераксиев, падающих, будто кометы, на сеть из помостов. Они перекрывали выходы.

Сикоракса добежала до Т-образного перекрестка и увидела, что дорога направо занята тремя крылатыми чудовищами и шатается туда-сюда от их тяжелых шагов. Передвижной ход, перемещаемый при помощи цепей. Отделенный от остальных.

Сикоракса запитала фазовый меч и рассекла опорные цепи там, где секции скитариев соприкасались с ее, сбросив существ в пропасть. Она повернула налево — но там приближались другие призрачные фигуры; от контрольных огней их фосфорных факелов исходили цветущие языки пламени.

— *Избегайте ненужных повреждений!* — прокричали они хором.

Столкновение.

Её ударили сбоку, идеально поднырнув под свисающие, словно джунглевые заросли провода; Сикоракса едва успела заметить удар, прежде чем проплыла над станцией, шредер вырвался из её рук и повис на конце кабеля.

На мгновение Сикораксе показалось, что она падает головой вперед, но затем она почувствовала боль в ноге и, повернувшись, увидела, как на её бедре сомкнулся коготь птераксия. Крылья скитария расправились, лоя сквозящий ветер, а двигатель бешено вращался, компенсируя дополнительный вес.

Борясь с воздушными потоками и дезориентацией, Сикоракса убрала фазовый меч и подтянула туловище. Бить существо на такой высоте она не решилась, поэтому вцепилась в когти, пытаясь ослабить хватку и уберечь ноги от травм, так как это могло свести на нет её побег. Но скитарий лишь перехватил её за правое запястье.

Подлетел другой птераксий и вцепился в Сикораксу, пытаясь отобрать добычу; когти впились в свободную ногу и едва не вырвали конечность из сустава, но ее похититель бил соперника крыльями и пронзительно кричал голосом Квавариана.

— Отставить! Прочь, дикая тварь! Образец не должен быть выведен из строя!

Сикоракса ухватила за кабель нейрошредера, вздернула его обратно в руку и направила на соперника изумрудно-зеленую газовую камеру. Она не могла рисковать, стреляя в своего похитителя — тот взлетел с ней слишком высоко, — но второй...

Кристаллическую камеру нейрошредера пронзила разветвленная молния, и по царапающемуся скитария пробежал зелёный энергетический импульс.

Монстр обмяк; крылья, управляемые обрубками конечностей, ослабли, складываясь и раскрываясь, будто усталые веки, и неповрежденный двигатель запустил скитария по ленивой спирали к земле.

Его крылья не шевелились. Всю тягу обеспечивали двигатели — это был планер.

Занятно.

Сикоракса изучила суставы своего похитителя, затем направила нейрошредер вверх и выпустила еще одну вспышку молнии.

Крылатое чудовище несло её на фабрику плоти — комплекс анатомических лабораторий и установок по переработке органики у внутреннего кольца станции. Комплекс делил переборку с внешним миром, поэтому сборщики и приковывающие людей ткачи плоти могли пользоваться преимуществами холодного ядра станции, а Квавариану не было нужды отходить далеко от своих когитаторных банков и синтетических мозгов, чтобы взглянуть на работу жрецов-хирургов. Они были недалеко от нужного ей места — это ясно было по чадающим трубам крематория, а скользить по воздуху, цепляясь за мертвого птераксия, вышедшего в медленный штопор, не так уж и трудно.

Сикоракса планировала над рафинировочным заводом, где жиры и мягкие ткани умерших перерабатывались в изолирующий желатин для поддержания работы цеха и общежития станции в холодном состоянии. Она упала на шестьдесят футов от водосброса, где конвейерная лента безостановочно добавляла к каменистому янтарному склону комки человеческого промышленного материала.

Обычный человек разбился бы при ударе, даже несмотря на покрывающий склон желатин. Но, чтобы

высвободиться из хватки птераксия, Сикоракса приняла микродозу полиморфина, и её тело стало подобным тому самому желатину, на который она упала.

И всё же она вывихнула плечо; пришлось вправлять его, прячась между парой выхлопных труб, в пространстве не шире двух указательных пальцев, прижатых кончиком к кончику.

На землю обрушилось подкрепление птераксиев, сразу приступив к поискам ассасина. Пока Сикоракса была в воздухе, они держались на расстоянии, наблюдая, что случилось с её похитителем. Продиктованные им инструкции запрещали причинять цели чрезмерный вред, поэтому скитарии не могли открыть огонь из дальнобойного оружия, что обеспечило бы Сикораксе безопасное приближение. И все-таки программа самосохранения велела им беречь и собственную жизнь.

Поэтому скитарии летели позади, соблюдая схему удержания, что привело к тактическому тупику.

Сохраняя гибкость тела, Сикоракса протиснулась ещё глубже меж трубами. Теплые выхлопные газы вились, будто карабкающаяся змея. Она нашла вентиляционный люк размером не больше обеденной тарелки.

Сикоракса приняла еще одну дозу полиморфина и забралась глубже, деформируя череп и расплющивая мозг, чтобы поместиться в тесном пространстве. Ее мысли на мгновение стали простыми и корыстолюбивыми, как у рептилии, идущей на холод. Сквозь пространство, наполненное запахом смерти и фреонизационным оборудованием. Пробираясь по туннелям, пока полумрак в конце шахты не превратился в похожее на штрих-код свечение — то был свет, проходящий через вентиляционное отверстие. Это пространство было больше: его хватало, чтобы присесть на корточки и снова почувствовать себя человеком.

Не то чтобы она была человеком, — на самом деле нет. Она являлась человеком в той же мере, в которой и не являлась.

Применив автоматический инструмент, Сикоракса открутила винты решетки изнутри; восьмидюймовый слой свежего снега на ней приглушал мягкое поскрипывание инструмента. Сикоракса начала спуск — ноги сразу же соскользнули на полдьюма. Оказалось, что воздухозаборник осклиз от антиобледенительного спрея; пришлось лечь в снег ничком, чтобы ее не заметили, пока она сориентировалась.

Ее зонд, пролетавший мимо, никогда не проникал в конверсионное поле, но она имела представление, чего ожидать от заброшенного объекта. Лабиринт высоких когитаторных банков, хранилищ данных и синтемозговых процессоров. Красные, зеленые и фиолетовые рунические огни, мерцающие в сером солнечном свете.

А вот что снег превратится в толстую ледяную корку, покрывающую каждую машину, — этого Сикоракса не ожидала. Взглянув вверх — глазные линзы щелкнули в поисках энергии, — она увидела кружащиеся снежинки, плывущие вниз сквозь зеленую глазурь конверсионного поля. Квавариан явно настроил поле так, чтобы оно пропускало снег, окутывавший и охлаждавший все поверхности, но при этом отклоняло град или льдинки. Здесь стоял не настолько пронизывающий холод, как в неэкранированной тундре снаружи купола, — достаточный, чтобы охладить перегруженные банки данных и устройства для обработки данных, а не заморозить.

Сикоракса попыталась оценить угол атаки. Что ей делать сначала: найти станцию загрузки, ввести вредоносный код и разыскать Квавариана — или убить программатора? В любом случае, ее лучшим

тактическим вариантом была скрытность. Готовясь выпрыгнуть из вентиляционного отверстия, Сикоракса нанесла на себя ещё один слой синтекожи — на этот раз белой, чтобы скрыть черный комбинезон. Она была заметной. И выделялась бы, как...

Справа что-то мелькнуло.

Ее спасли рефлексы. Едва Сикоракса вскочила и перекадилась прочь, как там, где она только что была, пронеслась энергетическая волна, оставляя след из льда и жижи. Вентиляционное отверстие за спиной смяло внутрь со звуком басового барабана.

Звуковое оружие. Низкая мощность. Скорее чтобы вывести из строя, чем убить.

Сикоракса нырнула в лабиринт когитаторных блоков. Здешнее чувствительное оборудование могло послужить защитой.

— Умно, умно, — сказал Квавариан, выдавая свою позицию.

Мысленно Сикоракса сделала себе выговор. Когда оперативница забралась в трубы и вентиляционные отверстия, ее след потеряли, но Квавариан либо установил над вентиляционным отверстием невидимый сигнальный луч, либо услышал урчание её автоматического инструмента. В любом случае, выбравшись из вентиляционного отверстия, она слишком задержалась на одном месте. Но повторять эту ошибку она не собиралась. Сикоракса пронеслась сквозь лабиринт похожих на черные обелиски когитаторных блоков, уходя со своей последней позиции, и совершила обходной маневр.

— Убийца из храма, — крикнул Квавариан. Где-то с левой стороны его усиленный воксом голос отражался эхом от твердых поверхностей лабиринта. — Вот так честь. Я и не знал, что Высших лордов Терры так заинтересовала моя работа. Жаль, что меня не оценили раньше. Как это в духе Имперiums — признавать талант только тогда, когда он переходит в оппозицию.

Завернув за угол, Сикоракса чуть не налетела на патрульного скитария, который совершал обход, низко держа радкарабин. Оперативница уклонилась вправо и нанесла удар; фазовый меч вонзился в нагрудный вокс-передатчик, лишив скитария возможности забить тревогу, — как раз перед тем, как клинок ассасина разорвал его защищенное свинцом сердце. Не успел патрульный упасть, как Сикоракса оказалась за следующим поворотом, подалее от жертвы.

— Бедный Тета-6, — захныкал Квавариан. — Я только что переписал его цепочки приоритетов в выборе целей.

Вжавшись спиной в угол, Сикоракса огляделась; по проходу между рядами рунных банков к ней направлялась еще пара скитариев. Винтовки у них на плечах дернулись — туда же, куда спряталась Сикоракса.

— Ты нашел здесь слабое место, прячась среди моих синтетических мозгов, — усмехнулся Квавариан.

Сикоракса вытащила из-за пояса пустую банку из-под синтекожи и подбросила ее высоко над когитаторами, как гранату, ожидая щелчка, когда контейнер соприкоснется с механизмом. Услышав звук, она вышла из-за угла с нейрошредером наготове. Авангардные скитарии стояли к ней спиной и обернулись на шум. Сразив обоих одним выстрелом, Сикоракса метнулась в конец коридора.

— Ещё двоих! — взвизгнул Квавариан. — Ты же понимаешь, что это только сильнее привязывает меня к тебе. О боже, что же нас с тобой ждёт? Ты знаешь, что у человечества есть соперники?

Он был за следующим поворотом. Сикоракса его слышала. Молчание его систем и жужжание обогревателей, чтобы не замерзли немногие оставшиеся органические компоненты. Она приготовила нейрошредер, прикинула расстояние.

— Ты смог бы убить космодесантника? — подольщался Квавариан. — Держу пари, что смог бы. Смог бы выпотрошить целую...

Сикоракса развернулась и присела на корточки, держа оружие на изготовку.

Газовую камеру осветила маленькая электрическая дуга, и изумрудная волна ударила в техномонстра с такой силой, что того сбило с ног.

Сикоракса застыла.

На снегу лежал скитарий; свет в его линзах померк, а в горле замер голос Квавариана:

— Ты же не играешь в регицид, да?

Периферийное движение справа. Защищаясь, Сикоракса ударила наотмашь — слишком медленно. Её перчатку схватил механдендрит, клешни погрузилась в металл и с силой впечатали руку в блок когитаторов позади.

— Классическая «Жертва храмовника».

Голос доносился из-за узла механических щупалец.

Сикоракса подняла нейрошредер так, что он почти коснулся скрытого капюшоном лица Квавариана, и нажала на спусковой крючок. Но оружию потребовалось несколько секунд, чтобы переключиться, прежде чем выстрелить снова, и другой механодендрит уже отбросил его в сторону, когда третье металлическое щупальце перерезало кабель питания оружия.

Квавариан оторвал ее от стены и поднял в воздух, швырнув на заснеженную землю — раз, два, три — прежде чем склонился над её прижатым телом:

— Мой собственный каллидус. Как мило. Я найду тебе хорошее применение.

Сикоракса слышала описания, но ни одно из них не передавало в полной мере чудовищность Квавариана.

Он был массивен. Круглое, похожее на шар тело, посаженное на три насекомоподобные ноги, в то время как первоначальные дряблые конечности висели мертвым грузом. На полностью выпрямленных ногах и с учётом непропорционально маленькой головы с выпуклым из-за перестройки черепа затылком и головным убором из закрученных антенн рост Квавариана доходили до десяти футов. Его глаза закрывало квадратное устройство для улучшения зрения, целиком закрывавшее почти всю кожу на лице — но не смеющийся рот с серыми деснами, полный почерневших зубов.

Но истинным ужасом были уравнения. Его мясистые руки и ноги испещряли цифры, радикалы и символы, от одного взгляда на которые у Сикораксы горели глаза. Они были нацарапаны и на броне его аугментов, и на черных зубах. Числа шипели и ползли, от руны к руне энергия варпа искрилась.

— Глупая маленькая штучка, — проворчал Квавариан.

Его голос вырвался из уст двадцати скитариев, собравшихся в кружок вокруг Сикораксы.

— Ты играл в свою игру впечатляюще долго, но на этой станции я вижу всё. Даже сейчас ты не видишь правды.

Он указал на банки данных короткой рудиментарной рукой.

— Ты что, правда надеялся спрятаться от меня? Каждое размещенное здесь оборудование — это мое личное священное творение, связанное в сеть, подсоединенную к моему мозгу. Я могу проникнуть в любой банк данных, любой разум на этой станции и потянуть за ниточки. Здесь все у меня под контролем.

— Только не я, — усмехнулась Сикоракса.

— О, это мы еще посмотрим. — Квавариан склонил голову набок, открывая порт передачи данных. Механодендрит с позолоченным инфо-шипом на конце скользнул по плечу Сикораксы и осторожно подключился к разъему. — Кодовый заслон. Любопытно. Класс «Септуагинта»^[1]. Никогда раньше такого не видел. Коул такая умничка. Думаю, что скоро он станет одним из нас — теперь, когда он открыл для себя радость созидания. Ого... это настоящий шифровальный замок. Что бы там ни пряталось, должно быть, это действительно интересно. Но любую блокировку можно взломать. Я не выношу громкие звуки, поэтому, когда я буду прокалывать этот нарыв, пожалуйста, не вопи.

— Ты, — сказала Сикоракса, — будешь вопить за меня.

Оперативница открыла кодовый заслон, выпустив на волю код-уничтожитель.

Программа, которая все это время пряталась в ее изолированном сознании.

Квавариан не закричал. Его рот захлопнулся, голова затряслась, челюсти сжались так сильно, что испорченные зубы разлетелись вдребезги. Рунические уравнения дымились и горели у него на коже. Глубоко внутри него с едким запахом озона сгорела батарейка.

А потом раздались крики. Не от Квавариана, а от скитариев, один за другим падавших на снег, зарываясь в него лицом в попытках спастись от вируса. Блоки когитаторов перегревались и взрывались один за другим, из их вычислительных стоек вырывалось фиолетовое пламя.

Затем с грохотом, будто из громкоговорителя, лопнуло огромное конверсионное поле.

И вместе с порывом ветра посыпался снег.

Ботинки захрустели по полу помещения, ломая и корку старого снега, и кости под ней. По его подсчетам, три месяца. Три месяца ледовая станция «Зета» была открыта для стихий. Ворота распахнулись, чтобы армии льда и разложения могли бесчинствовать в ее залах.

Он проходил мимо тел подопытных и плененных скитариев, сплетенных в последней агонии и замороженных. Мимо мест, где потолок обвалился из-за наледи, открывая серое небо. А в центре он нашел обгорелые стеллажи с банками когитаторов, стоящие, как почерневшие надгробия на кладбище после пожара. Квавариан обнаружился в центральном дворе; из-за пылавшего внутри него варп-огня фрагменты тела еретеха искорежило или сплавило. Палец указывал в одну точку.

Незнакомец опустился на колени и смахнул снег.

Тень во льду. Кабель.

Он последовал по нему, тяжелой поступью прошагав через станцию и выйдя на ветер, который взметнул его мантию. Пробрался сквозь снег, с помощью ауспика отслеживая канал передачи данных, вмерзший глубоко в лед.

К леднику Халдера, расположенному в пяти милях отсюда. В пещеру.

К информационному саркофагу, который до сих пор мигал и щебетал. Руны устройства горели благодаря собственному миниатюрному реактору.

Незнакомец протянул руку и смахнул с информационной панели саркофага слой снега. Активировал историю резервного копирования.

Взглянул на показания приборов.

<Песнь Чорва_Победителя.>

<Четверостишия оптимизированы для пробной трансляции.>

<Итерация 33-дельта.>

Последняя версия была опубликована за три месяца до разрушения станции. Чтобы воспроизвести эти три месяца исследований и разработок Квавариана руками другого извращенного техножреца, вероятно, понадобились бы годы. И все же это означало, что полная катастрофа была предотвращена.

Он постучал пальцем по программе. Улыбнулся про себя. Несмотря на все усилия Империиума, несмотря на козни Ассасинорума и разрушительное действие вируса-уничтожителя, его операция не закончена.

И Империиум задрожит перед Чорвом_Победителем.

1. Септуагинта — это собрание переводов Ветхого Завета на древнегреческий язык. Во вселенной «Вархаммер» Септуагинта — это древнее литературное произведение родом с Терры, повествующее об ангелах. В Империиуме описанные встречи с ангелами считаются первыми встречами между людьми и ксеносами.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ассасинорум:_Проводник_/_Assassinorum:_Live_Wire_\(рассказ\)&oldid=25293](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ассасинорум:_Проводник_/_Assassinorum:_Live_Wire_(рассказ)&oldid=25293)

Эта страница в последний раз была отредактирована 28 июня 2024 в 09:02.